

От главного редактора

Лето 2013 г., несомненно, войдет важной вехой в новейшую экономическую историю не только России, но и всего мира, благодаря как минимум двум знаменательным событиям.

Во-первых, всему миру продемонстрировано, как сырьевая экономика при высоких рыночных ценах на сырье может очутиться на грани финансового кризиса. И дело вовсе не в том, что российская экономика оказалась в одном шаге от масштабной рецессии. И даже не в том, что, может быть, этого шага уже и нет, учитывая качество отечественной статистики и любовь к манипулированию ею. Это-то как раз не удивительно и вполне вписывается в традиционные схемы описания макроэкономической динамики. Удивительно то, что экономика, в которую стабильно вливаются потоки валютных доходов от экспорта сырья, которая имеет стабильное положительное сальдо торгового баланса, страдает от дефицита внутреннего спроса и нехватки доходов бюджета для финансирования принятых социальных обязательств.

В действительности и это легко объяснимо, но в данном случае объяснить — не значит понять. Как понять упорное нежелание видеть очевидное, что «выставочная» экономика — не то же самое, что рациональная экономика? Как понять причину, по которой в течение вот уже почти 10 лет упорно инвестируются огромные деньги на осуществление грандиозных проектов, которые ничего общего с развитием экономики не имеют (олимпиада, универсиада, АТЭС, «Сколково», «развитие Дальнего Востока», «Новая Москва», «Футбол-2018», реформы МВД и муниципальная, госкорпорации и пр.), ибо почти или совсем не связаны с наращиванием внутреннего спроса, экспортных возможностей, технологической модернизацией, ростом разнообразия видов экономической деятельности, а следовательно, и не генерируют прироста доходов ни в настоящем, ни в будущем. Единственный «эффект» этих трат — создание иллюзии богатства и процветания. Ну и еще, конечно, поддержание уровня теневых финансовых трансфертов, т. е. коррупционных потоков в экономике, точнее коррупционных оттоков из экономики. Иными словами в течение длительного времени выстраивалась и выстроена экономика, в которой господствует принцип: не потратишь — не получишь. Причем это даже не экономика «общества потребления», это экономика государственного расточительства. От того, что все это уже было, и не очень давно, от того, что бешеные траты общественных средств производятся не ради поддержания военного паритета и победы социализма в мировом масштабе, а ради удовлетворения тщеславия власти, право слово, не легче.

Именно это расточительство, которое втягивает в свою орбиту не только государственные финансы, но и часть предпринимательских доходов, вкупе с завышенным курсом рубля, сочетающимся с высокой инфляцией, исключает качественные изменения в экономике, блокирует вложения, которые бы приводили к росту уровня внутреннего спроса и общему экономическому росту. В итоге российская экономика все более являет миру черты экономики феодального поместья, где повсеместная неустроенность и бедность соседствуют с пышными балами и архитектурными шедеврами.

Во-вторых, всему миру явлен изумительный пример того, как страна, еще совсем недавно претендовавшая на лидерство в техническом прогрессе и доселе сохранившая изрядную часть могучего научного потенциала, на котором зиждется вся современная и завтрашняя мировая экономика, а в конечном счете, и благосостояние наций, решила добровольно отказаться от этого потенциала, а значит и от всех притязаний не просто на экономическое лидерство, но и на народное благосостояние вообще. Нежданный и столь желанный многими нашими «доброжелателями» подарок.

Речь, конечно, идет о проекте закона о «реформировании РАН», который по сути дела является проектом организации похорон фундаментальной науки в России. И это после многолетних торжественных и пафосных призывов и заклинаний относительно «модернизации», «инноваций», «прорыва в будущее». Собственно говоря, задуманный «блицкриг» только с первого взгляда представляется неожиданным и нелогичным. На самом деле все логично.

Новая индустриализация и экономическое возрождение страны предполагают: 1) непрерывный поток производства и адаптации к российским условиям новых знаний; 2) насыщение экономики кадрами, способными эти знания воспринять и использовать; 3) наличие инфраструктуры преобразования этих знаний в инновации; 4) наличие спроса на эти инновации в экономике и обществе. Начнем с конца: 4) спрос на инновации предполагает динамичную промышленность и эффективные институты; в 1990-е гг. промышленность разрушена, а вместо эффективных институтов насаждаются псевдоинституты; 3) в эти же годы уничтожена отраслевая наука, которая как раз и является инфраструктурой преобразования знаний в инновации; 2) в 1990–2000-е гг. разгромлено образование, особенно техническое и естественнонаучное – вопрос с кадрами для модернизации был решен кардинально. Осталась фундаментальная наука – производство знаний. Но с точки зрения «эффективного менеджмента» незачем тратиться на производство новых знаний, раз все остальное разрушено. Вывод логичен – давайте доломаем.

Как известно, ломать – не строить. Но строить все равно придется. Вот только удастся ли? Возможно, лет через 50, раньше научные школы не воссоздать. И вот здесь вопрос собственно экономический: а кто сказал, что

эти 50 лет мир в целом и мировой рынок в частности будут носить траур по российской науке и ждать ее реинкарнации? Нет, не будут. Общенаучный и технический прогресс сделают такой скачок, что вопрос о том, чтобы «догнать», уже никогда не будет волновать умы российские. А это означает, что Россия окончательно утвердится в роли поставщика некоторых видов сырья, а может через 50 лет даже то сырье, которое сегодня представляется гарантом благополучия, станет никому не нужным анахронизмом? В конце концов «сланцевая революция» — разве не достаточно впечатляющий сигнал?

Но предположим, что с сырьем все еще будет в порядке к концу XXI в., что оно не только сохранит, но и увеличит свою ценность в качестве источника поддержания экономической динамики. Это будет означать колоссальное давление со стороны импортеров этого сырья и, в конечном счете, экономическую, а может и военную агрессию с целью передела запасов сырьевых ресурсов в пользу наиболее мощных экономически стран и группировок. Экономическую агрессию отразить будет нечем — нет знаний, нет инноваций, нет конкурентоспособности. Военную агрессию тоже отразить будет нечем — нет знаний, нет технологий, нет оружия.

Реальные реформы в области экономической политики и отказ от «реформаторского зуда» в области научно-технической и культурной политики — вот те уроки, которые необходимо извлечь из изумляющего весь мир аттракциона экономического и институционального абсурда. И извлечь эти уроки нужно срочно. На кону не идеи и не абстрактные концепции, ставка — выживание уникальной цивилизации, российской цивилизации.